

Глава 27. Расплющ Крысу

Трава была сырой. Ровно через каждые два шага Гарри, поднимаясь по пологому склону, отступал слегка назад — он сомневался в правильности своего решения, но расстояние между ним и границей леса рядом с полем для Квиддича стремительно сокращалось. У него точно все получится.

'Петтигрю.' — тонкий слой льда обволок грудную клетку мальчика, заставляя его сердце от одной лишь мысли о предателе болезненно сжиматься. 'Он все еще находится где-то здесь.'

Под соснами мелькнула тень, короткая и вороватая.

'Питер Петтигрю.'

Подо льдом раскрылось нечто голодное и опасное, даже чуточку эгоистичное. Гарри поднял голову, наострив взгляд — самый хищный и страшный. Вместе с пробуждением пришли воспоминания. Ярость дяди, когда тот кричал, что мальчик всего лишь ошибка природы, тихое презрение и злоба тети, навязанная ненависть и отвращение Дадли, и каждое мгновение, которое он мог только вспомнить; они заставляли зеленоглазого волшебника думать о том, что его жизнь в современном мире ничего не стоит. В мире, в котором ему довелось родиться.

'Я не стану никем. '

Гарри разочаровался в себе, в своих силах, но именно для того, чтобы доказать, что его стремление не напрасно, он пришел сюда.

Сосны источали приятный, знакомый аромат, освежая яркие моменты из жизни, как мальчик когда-то собирал вязкий сок пальцами, будучи еще совсем маленьким. Резкий, сладкий запах сосновой смолы, который в последнее время ассоциировался с пролитой кровью единорога, Акромантулы и оборотня, заглушал любой другой. Инстинкты крысы не спасут предателя.

"Инкарцери!" — Поттер торжествующе зашипел. Безошибочный силуэт вероломного анимага вздрогнул, но было уже поздно. Эмоции пожирателя смерти отчетливо передавали обреченность, когда заклинание толстыми черными веревками окутывало его с ног до головы. Сеть из проволоки, покрытая острыми шипами, поймала крысу, из которой он не смог бы выбраться ни в одном из своих облиций. Иней достиг тонкого металла, покрывая его небольшим слоем льда.

"Ты кого-то ждал?" — спросил мальчик, развеивая свою невидимость. "Еще один несчастный студент, за которым можно спрятаться; невинная цель, впоследствии ставшая жертвой обмана."

"Гарри." — голос Петтигрю дрогнул, пребывая где-то между облегчением и страхом.

"Ждешь кого-то другого?" — спросил он простодушно, и очаровательная улыбка Тома Реддла постепенно растянулась на его губах. Что-то промелькнуло в глазах Питера. Он очевидно ждал встречи с каким-то волшебником, но мальчику было все равно. Поттер находился здесь ради собственной цели; не было ценного камня, который нужно защитить, здесь не было обманутой маленькой девочки и обиженного крестного отца. Этот момент всецело принадлежал ему.

"Что ты собираешься делать?" — Хвост заскулил. Он пытался двигаться, извиваясь в тонкой сети, но острые шипы только глубже впивались в его бледную кожу, заставляя кровь тонкими струйками стекать вниз.

"Я не причиню тебе вреда." — пообещал зеленоглазый волшебник.

"Я знаю, ты не сделаешь этого." — прошептал Петтигрю. "Твои родители никогда не хотели бы, чтобы ты так жестоко обошелся со мной, но... веревки очень туго натянуты, Гарри. Они доставляют немало боли."

"Знаешь что, Питер?" — мальчик расплылся в улыбке, и в его глазах появилось невинное выражение. Ледяной фантом, словно инородное существо, пробудился в его груди. Глаза юного чемпиона сузились, губы изогнулись, открывая вид на острые зубы.

"Что?" — Петтигрю, несмотря на всю свою трусость, не был глуп. Он понимал, что это все не просто так, и голос от этого звучал весьма слабо.

"Я не думаю..." — улыбка перестала быть доброй, становясь полноценно холодной и жестокой. "...что если ты окажешься мертвым, то о тебе кто-нибудь вспомнит." — Питер начал нервно трястись. "Мне кое-что нужно от тебя." — продолжал Гарри, в то время как глаза Червехвоста отчаянно блуждали вокруг.

"Мечь их не вернет." — взмолился Петтигрю. "Если бы это было так, я бы направил палочку Темного Лорда против самого себя при первой же возможности. Твои родители были одними из тех людей, которые заботились обо мне. Я никогда ничем не выделялся, как они; я был совершенно обычным, но они все равно приняли меня таким, какой я есть. Больше всего на свете мне хотелось узнать, как не растерять свою храбрость, когда Темный Лорд в очередной раз находит меня. Он искал Сириуса и подумал, что я могу знать что-нибудь о его местоположении. Жаль, что мне не посчастливилось умереть тогда — меня бы запомнили таким, какой я бы на протяжении тринадцати лет нашей совместной дружбы, но... этого не произошло. Мне просто не хотелось умирать."

"Я провел одиннадцать лет, мечтая о родителях." — поделился наследник с такой сладкой злобой, что, казалось, она исходила от его языка. "Такие желания не сбываются."

Тонкая эбеновая палочка снова выскользнула из рукава — одиннадцать с половиной дюймов чистого намерения — желания отомстить.

"Если ты убьешь меня, Сириус никогда не очистит свое имя. Отведи меня к аврорам, Дамблдору, сдай в Азкабан. Он никогда не будет свободен, если ты поступишь иначе."

Это послужило некоторой заминкой для Гарри. Ему никогда прежде не приходилось думать о том, что его поступок может иметь такие серьезные последствия для крестного.

'Сириус не пытался поймать Петтигрю и очистить свое имя.' — прошептал томный голос. Он принадлежал Тому Реддлу; возможно шепот самого крестража. Он был прав. Крестный хотел, чтобы Питер умер, а не стал пленником или бездушной оболочкой. Министерство вряд ли когда-нибудь признает ошибку, которая оставила невинного человека в Азкабане более чем на десять лет. Поттер уже был знаком с нынешним министром. Ледяная сущность плотнее обвилась вокруг его сердца. Сириус хотел бы, чтобы мальчик сделал это.

'Питер заслуживает смерти. Он уже мертв для этого мира.'

Хватка зеленоглазого волшебника на палочке заметно окрепла. Подлая крыса должна умереть. Друг, предавший его родителей, покинет этот мир, чтобы избавиться от той самой участи, на которую он своей трусостью обрек мальчика.

"Гарри!" — в отчаянии прошептал Петтигрю. "Гарри, пожалуйста, не надо!"

Его глаза были прикованы к переднему краю волшебной палочки Гарри, где по мере того, как его желание росло, появился оттенок ярко-зеленого цвета.

Улыбка Тома Реддла превратилась в красивую пародию на торжество.

'Меня больше не станут использовать. Я не стану вновь никем.'

Раскаленный кончик палочки Гарри, окутанный зеленым пламенем, застыл напротив глаз Петтигрю. Было совершенно тихо и спокойно вокруг. Перспектива свободы, возможность избежать судьбы, с которой он почти смирился в своей наивной, благородной и невежественной вере в то, что принести себя в жертву — это правильный путь, заставляла ледяное существо внутри мальчика извиваться и раскручиваться от возбуждения.

"Знаешь, какие первые два слова я слышу из своих воспоминаний?" — спросил он. Беспомощный Червехвост покачал головой, все еще пытаясь выбраться из тугого плетения, окрашивая землю под собой в густой темно-красный цвет.

"Уверен, что ты догадываешься." — любезно ответил Поттер, мысленно готовясь к тому, что должно было произойти. И книга, и записи Реддла говорили о невыразимой боли.

На левой стороне лица Гарри появилась ослепительная улыбка Тома.

"Авада Кедавра!"

Когда он произнес те самые два слова, доставившие ему столько боли, в голове отдало зеленой вспышкой. Сосны на мгновение озарились призрачным светом проклятия, которое он никогда не хотел применять. Его лучи отбрасывали резкие тени на безжизненное лицо Питера Петтигрю.

Записи Реддла содержали лучшее описание того, что произойдет дальше. Он постарался лучшим образом объяснить суть этого проклятия. Простое заклинание, которое способно забрать не только человеческую жизнь, но и душу. Ему удалось всего лишь двумя словами описать потаенный смысл проклятия.

'Слушай' - первое инструктировало. Второе же предупреждало: 'Боль.'

Для такой магии не существовало слов, она была слишком абстрактной, слишком сложной и эмоциональной, чтобы простая латынь могла уловить смысл. Гарри ничего не мог сделать, кроме как попытаться услышать, увидеть то, что, как ему казалось, должно находиться там.

Сосны вдруг пропали. Звук их иголок, шепот и прикосновение ветра, запах смолы — все неожиданно исчезло.

Тысячи темных, откровенно черных отголосков души кричали внутри него.

Их крики нельзя было считать реальными. Они шептались, выли, бормотали и плакали, не издавая ни звука.

Это была оглушительная тишина.

'Один из них — это не я.'

Мальчик сосредоточился на каждом отдельном фрагменте, прислушиваясь к звукам внутри каждого осколка разбитого зеркала, которое представляла из себя его душа. В них отражалось намного больше его самого, чем он только мог себе представить. Волан-де-Морт задавался вопросом, были ли они всевозможными исходами от случая разрыва души, начиная от полного выздоровления и доходя до того момента, когда ее уже не удавалось исцелить.

Гарри отчаянно пытался отыскать то, что было не его отражением, а чем-то иным.

Казалось, что они все были частичками души мальчика.

'Нет.'

Он отказывался принимать это. Крестраж был здесь, и он найдет его.

Наследник снова прислушался, более внимательно, тщательно осматривая каждый отдельный отголосок самого себя, пока в конце концов не появился его собственный образ, отдававший сильным эхом. Это был тот же самый мальчик, с холодным взглядом, лучезарно улыбающийся, с взъерошенными, спутанными волосами, ничем не отличающийся от сотен других, но внутри него скрывалось что-то еще... верней кто-то еще. Кроваво-красные зрачки стали резко просматривать через изумрудно-зеленые.

Крестраж был частью Гарри настолько долго, что переплелся с его собственной душой, и даже сейчас, раздробленный и издающий противный крик, как сущность Гарри, осколок души пытался зацепиться за него, а не освободиться.

'Вон.' — зашипел на него мальчик. 'Убирайся.'

Он осел на невидимый пол, постепенно выталкивая из себя фальшивый облик.

Ледяное существо внутри него распалось, мгновенно растаяв и оставляя после себя чертоги страданий. Ничто и вполнину не казалось таким неправильным, как-то, что он только что попытался сделать, но это определенно должно было произойти. Частица Вола-де-Морта должна исчезнуть.

Гарри собрался с духом. Его попытки уничтожить свой образ стали более интенсивными.

Что-то подалось, и осколки завизжали гораздо громче. Мальчик тоже закричал. В его голосе чувствовалась боль.

Не было ничего, кроме ужасного, неестественного мучения. Он прекрасно слышал то, как кричат осколки, смутно слышал самого себя, отдаленно зывая к кому-то или чему-то, дабы ему обеспечили поддержку, смогли помочь. Его палочка сильно раскалилась, болезненно обжигая руку, но эта боль словно не ощущалась, в отличие от силы разрыва собственной души.

Он физически чувствовал, как разваливается на части; как расщепляется на большее количество осколков.

Что-то густое и липкое скатилось по его лицу, и Гарри в шоке открыл глаза.

В отражении мертвых глаз Петтигрю он увидел слезы черного дерева, медленно ползущие к подбородку. Они оставляли чернильные следы на его щеках и тяжело капали на землю, орошая ее с ядовитым шипением, а затем поднимаясь густым, клубящимся черным дымом.

С каждой слезой боль усиливалась, обходя то, что было терпимо и что нет, и уничтожая все связанные мысли, кроме одной.

'Оно должно выйти наружу.'

Боль становилась еще сильнее. Тень его души заслонила весь обзор, лишив Гарри возможности сосредоточиться. Извивающееся черное вещество рассеялось и исчезло, а на его смену тут же пришли вспышки белых искр, лишая возможности видеть.

'Может мне стоит умереть?'

Внезапно боль окончательно пропала, и мальчик остался лежать на земле, свернувшись в клубок, целиком покрытый грязью. Вокруг него образовался небольшой кратер, следы пальцев, ногтей на земле. Он снова почувствовал запах смолы, услышал невесть что, явно не похожее на крик.

На мгновение это показалось блаженством.

Затем боль вернулась; обжигающие потоки неприятного ощущения, исходящие из потрескавшейся, почерневшей плоти его руки, в которой находилась палочка.

Его верное волшебное оружие не было повреждено, но вся ладонь и пальцы обуглились. Гарри заметил кость, когда решил согнуть свою руку; трещина заметно растянулась. Он не знал целебных чар, но отчаянно надеялся на то, что школьная медсестра сможет ему помочь.

'Это должно быть исправимо.'

Мадам Помфри отрастила ему кости однажды.

'Седрик.' вспомнил он, почувствовав облегчение, несмотря на боль. Дракон ударил его настолько сильно, что волшебник при приземлении получил достаточно сильные ожоги от трения, чтобы содрать кожу и мышцы с руки, а также бока. Кисть Гарри, казалось бы, ничто по сравнению с его ранами.

Пошатываясь, Поттер поднялся на ноги и вытащил палочку из остатков правой руки. Она легко отделилась, но это действие оказало эффект на его ладонь, выявляя новую волну боли, прокатившуюся по всему телу.

Воспользовавшись палочкой здоровой рукой, он превратил тело Питера Петтигрю обратно в крысу, которой тот притворялся тринадцать лет. Весьма слабый, без большого количества магии Инсендио поджег предателя, и Гарри отправил его далеко в Запретный лес отталкивающим заклинанием. В конце концов, он все равно вернется в свой первоначальный облик, но мальчик сомневался, что тело потом можно будет опознать, если вообще хоть что-нибудь останется. В Запретном лесу обитало множество существ, которые вряд ли откажутся от легкой и бесплатной пищи. Зеленоглазый мальчик попытался бы сделать намного больше, однако его магический исток практически иссяк.

Он слегка покачнулся, инстинктивно вытянув руку, чтобы удержаться, но привычка заставила его протянуть именно поврежденную руку, и обугленная плоть вызвала новый импульс боли. До этого самого момента ему никогда не приходилось испытывать настолько сильного раскаяния за мучительную смерть Квиррелла.

<http://tl.rulate.ru/book/50582/1651543>